

Республика Татарстан: приведение к общему знаменателю?

Эпоха зрелищ кончена...

Б. Слуцкий

В течение последней четверти века, с 1992 по 2017 год, Татарстан всегда претендовал на особое место среди российских регионов. Но в конце 2016 года удача изменила республике. Началась цепочка банкротств республиканских банков; одним из первых в декабре 2016 года лопнуло ПАО “Татфондбанк”, второй по величине банк республики, главой которого был премьер-министр Татарстана Ильдар Халиков. Вторым по значимости событием в политической жизни республики стало прекращение действия договора о разграничении полномочий с федеральным центром. Договор был заключен в 2007 году сроком на десять лет. Летом 2017 года этот срок истек; правящая элита Татарстана надеялась, что договор удастся продлить, но надежда не оправдалась.

Летом-осенью 2017 года, после слов Владимира Путина о недопустимости принуждения к изучению неродных языков, в республике разразился “языковой кризис”. Возможно, поначалу региональные власти не поверили, что федеральный центр всерьез намерен заставить их изменить паритет в преподавании татарского и русского языков. Но после того, как прокуратура начала демонстративную проверку школ, даже самые упрямые должны были уступить: теперь в большинстве средних школ республики татарский язык преподают, как правило, два часа в неделю (иногда к этому добавляется один час на изучение та-

тарской литературы) и только с письменного согласия родителей, а министр образования и науки Татарстана Энгель Фаттахов ушел в отставку.

Электронная газета “Бизнес Online” (тесно связанная, насколько можно судить, с одной из татарстанских субэлитных групп) заявила о “необъявленной гибридной войне”, которую ведут против Татарстана “федеральные кланы”, цель которых — “разграбить республику”¹. Официальные лица поспешили отмежеваться от этих заявлений: “...какого-то политически спланированного нажима на республику я не вижу”, — заявил на встрече с редакторами республиканских СМИ председатель Госсовета Татарстана Фарид Мухаметшин².

Тем не менее ясно, что в течение 2017 года Татарстан понес существенные потери — как финансовые, так и имиджевые. Потускнел региональный миф о самой лучшей, передовой, инновационной и пр. республике, тщательно создаваемый и лелеемый на протяжении более двадцати лет. Случилось то, что можно назвать “эффектом бывшего отличника”: ученик, неизменно получавший одни пятерки (иногда заслуженно, а иногда и нет), вдруг схватил тройку, потом еще одну, потом двойку... и испытал некоторый шок.

Однако говорить об окончательном разрушении регионального мифа, вероятно, преждевременно. Напряженность, возникшая в отношениях республики и федерального центра, активизировала другой региональный миф или другую его

составляющую — представление о трудолюбивой и храброй республике, отважно сопротивляющейся жадному и агрессивному федеральному центру (или неким темным силам в нем). Нетрудно увидеть, что подобный нарратив пытается выдать частный интерес региональной элиты за общий интерес регионального сообщества (представляющего совокупность весьма разных групп со столь же разными, подчас противоположными интересами).

Время суверенитета

Анализируя события 2017 года в Татарстане, следует учитывать, что мотивы основных акторов в значительной мере обусловлены предшествующей историей взаимоотношений федерального центра с Татарстаном, уходящей в 1990-е годы.

Было бы поверхностно и наивно представлять дело так, будто провозглашение государственного суверенитета Татарстана в августе 1990 года стало воплощением “вековых чаяний” татарского народа. В действительности провозглашение суверенитета было результатом сложной игры между тремя центрами силы: слабеющим, но еще достаточно крепким союзным, формирующимся российским — и региональным, четко следующим в фарватере союзного и оппозиционным российскому. Вскоре после выборов народных депутатов РСФСР (и ТАССР), в апреле 1990 года, Верховный Совет СССР принял Закон “О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами федерации”, позволявший руководству бывших автономий повысить статус возглавляемых ими республик. Тем самым против тогдашнего правительства России во главе с Борисом Ельциным открывался своеобразный “второй фронт”. Примечательно, что в Декларации о государственном суверенитете, принятой 30 августа 1990 года, не была указана субъектность Татарстана — является ли республика субъектом одновременно РСФСР и СССР или входит напрямую в СССР.

Тогдашний руководитель Татарской АССР Минтимер Шаймиев был лоялен союзному

центру и противодействовал как мог руководству России: референдум по вопросу о введении поста президента России в марте 1991 года в республике не проводился, выборы президента России 12 июня 1991 года прошли в условиях “полубойкота” со стороны республиканского руководства: официально проводились лишь выборы президента Татарстана, а бюллетени по выборам президента России выдавались лишь по требованию избирателя (иногда требовали даже письменное заявление)³. Во время попытки переворота в августе 1991 года руководство Татарстана поддержало ГКЧП и, опасаясь ареста, имитировало угрозу этнического конфликта, разыграв, как тогда говорили, “национальную карту”. После некоторой нормализации обстановки было принято решение о проведении в Татарстане референдума по вопросу о статусе республики.

Референдум 21 марта 1992 года имел запутанную формулировку, включавшую, помимо прочего, упоминание о международной правосубъектности суверенной республики (при этом Верховный Совет Татарстана дал разъяснение, что данный вопрос не подразумевает выход из России). С формулировкой вопроса согласилось 61,4% принявших участие в голосовании; при явке 82% это составило чуть более половины (50,2%) всех жителей Татарстана, имеющих право голоса. Тем самым более трети проголосовавших выразили недоверие политике Шаймиева. Ситуацию можно было назвать патовой: федеральный центр не мог восстановить контроль над республикой без применения силы, но и региональная элита столкнулась с существенной оппозицией своим планам.

Первые думские выборы и референдум по проекту Конституции Российской Федерации в Татарстане не состоялись (явка избирателей составила 13,9%). Ельцин, однако, смог консолидировать власть, и региональная элита Татарстана предпочла больше не искушать судьбу и согласилась на компромисс: в феврале 1994 года был подписан “Договор о разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти РФ и РТ”. Компромисс основывался на фактическом разделе сфер влияния:

руководство Татарстана соглашалось с тем, что Татарстан входит в состав Российской Федерации, но на особых условиях. Формально были признаны и Конституция РФ, и Конституция РТ (противоречившие друг другу). Татарстан перечислял федеральному центру налоги (в меньших пропорциях, чем другие регионы), проводил на своей территории общенациональные выборы и в целом признавал верховенство федеральной власти в общегосударственных вопросах; со своей стороны, федеральный центр практически устранялся от вмешательства во внутреннюю жизнь республики. Профессор Казанского университета Мидхат Фарукшин охарактеризовал эту ситуацию так: “Невольно складывалось впечатление, что целые регионы отдаются как бы на откуп или в полное распоряжение региональных баронов”⁴. В частности, местное самоуправление на уровне городов и районов Татарстана было в полном объеме введено лишь в 2005 году (до этого оно существовало лишь на уровне сел и деревень, а на уровне городов и районов действовали местные органы государственной власти).

Начиная с лета 2000 года, когда Конституционный Суд РФ признал неконституционным положение о суверенитете республик в составе России⁵, ситуация начала меняться. Впрочем, процесс этот был не одномоментным, и реакция региональной элиты на решение КС была далеко не доброжелательной. Встречало сопротивление и открытие в Татарстане отделения федерального казначейства, и вручение российских паспортов; принятие новой редакции Конституции Татарстана состоялось лишь в 2002 году. Необходимо отметить, что с конца 1980-х вплоть до начала 2000-х годов политические инновации — конкурентные выборы, элементы пропорциональности в избирательной системе, местное самоуправление вместо власти Советов — исходили именно из центра, а региональная элита Татарстана встречала их с большой неохотой и раздражением, принимала с опозданием и в “обезвреженном” виде. В отличие от периода 1994–1999 годов, власти республики допускали федеральное вмешательство — но в ограниченных масштабах. В каких именно, решалось *ad hoc*.

Время зрелищ и инноваций

Политика суверенитета уходила в прошлое. На смену ей в Татарстане шла политика зрелищ. Ее основными чертами были деидеологизированность, развлечения и консьюмеризм. “Развлекайтесь и забудьте о политике” — такой меседж посылала региональная элита массам, и массы охотно его приняли. Действительно, политика зрелищ способствовала решению одновременно нескольких задач. Лозунг суверенитета республики имплицитно подразумевал политическую мобилизацию — как сторонников суверенитета, так и их противников (что и наблюдалось в 1991–1993 годах). Политическая активность была региональной элите совсем ни к чему — власти Татарстана всячески убеждали федеральный центр, что ситуация в республике полностью под контролем. Для электорального авторитаризма, допускающего выборы, но с неизменным результатом в пользу “партии власти”, любой политический активизм представляет потенциальную угрозу. Кроме того, авторитарный посткоммунистический режим, сложившийся в Татарстане, испытывал — вероятно, по инерции — необходимость дать обществу некие идейно-мировоззренческие установки и указать направление развития. Лозунг суверенитета нужно было чем-то заменить, иначе возникал идеологический вакуум. Немаловажным было и то, что политика зрелищ позволяет обосновать просьбу о субсидиях федерального центра. И наконец, подобная политика, если праздники и соревнования имеют международный характер, позволяет напомнить о себе миру, повысить узнаваемость региона, улучшить его репутацию.

Первой крупной вехой в реализации политики зрелищ стало празднование летом 2005 года тысячелетия Казани. Оно включало в себя ряд событий, растянувшихся почти на два с половиной месяца: открытие мечети Кул Шариф в казанском Кремле, возвращение в Казань списка Казанской Иконы Божией Матери, проведение саммита глав СНГ и Госсовета РФ, открытие — в полностью измененном виде — одной из центральных улиц Казани, получившей название Петербургской

(в ее начале был установлен бюст Льва Гумилева с надписью: “Я всю жизнь защищал татар от клеветы”), и ввод в эксплуатацию казанского метро. На тот момент (август 2005 года) оно было одним из самых коротких в мире (пять станций) и в то же время одним из самых дорогих: затраты на его строительство составили около \$60 млн.

В целом опыт празднования казанского миллениума можно признать удачным для его организаторов, несмотря на то, что одним из побочных эффектов праздничных торжеств стало появление у Казани муниципального долга (его размеры, по разным данным, составляли на конец 2005 года от 6,9 млрд руб. до 12,3 млрд руб.), а общие затраты достигли около 90 млрд руб., в том числе 12 млрд руб. — из федерального и 38,6 млрд руб. — из регионального бюджета⁶. Кроме того, спешная реконструкция центра Казани привела к тому, что значительная часть исторической застройки оказалась уничтожена.

Команда нового мэра Казани, пришедшая к власти в конце 2005 — начале 2006 годов, поставила амбициозную цель — провести в Казани Универсиаду (разумеется, добиться этого было невозможно без поддержки руководства республики и федеральных властей). Кроме соображений престижа, продолжение “политики зрелищ” имело вполне прагматичный мотив — городу были необходимы средства на развитие. После того как Международная федерация студенческого спорта в 2008 году приняла решение о проведении летней Универсиады 2013 года в Казани, в строительство спортивных сооружений и инфраструктуру города было вложено 228 млрд руб.⁷. Неудивительно, что из-за высокого уровня закредитованности кредитные рейтинги Татарстана стали снижаться. По данным Счетной палаты, долг республики на тот момент достиг 85,9 млрд руб., отчего регион оказался по этому показателю на третьем месте по России после Москвы (188,4 млрд руб.) и Московской области (97,9 млрд руб.). Но президент Минниханов заявил, что не видит в этом ничего страшного для республики: “Я по этому поводу вообще не переживаю. Да и какой рейтинг смотреть? Рейтинг доверия населения для меня важнее,

чем рейтинг закредитованности”⁸. К тому же, заметил Минниханов, Казань за время подготовки к играм преобразилась: без поддержки федерального центра на столь масштабную модернизацию всего города потребовалось бы не менее 15 лет⁹. Впрочем, как только активная фаза строительства закончилась, кредитные рейтинги пошли вверх. Российское руководство, по-видимому, тоже осталось довольно — и впечатляющим шоу в день открытия, и итогом соревнований. Политика зрелищ продолжилась и после Универсиады: летом 2015 года в Казани прошел чемпионат мира по водным видам спорта, летом 2017 года состоялись соревнования на Кубок конфедераций (под эгидой ФИФА), а летом нынешнего года в Казани пройдут матчи чемпионата мира по футболу.

Вероятно, уже в ходе подготовки к Универсиаде республиканское руководство стало понимать ограниченность ставки исключительно на спортивные зрелища. После того как в начале 2010 года президентом Татарстана стал Минниханов, власти республики предпринимают попытки позиционировать Татарстан не только как спортивный, но и как инновационный регион (инновации при этом понимаются в узкотехнологическом смысле). С 2010 года начинается проработка создания в Татарстане IT-деревни — собственного “Сколково”, где могли бы жить, работать и отдыхать российские и зарубежные IT-специалисты. Для IT-деревни было выбрано место под Казанью. В конце 2011 года IT-деревня получила название “Иннополис”, 9 июня 2012 года премьер-министр Дмитрий Медведев дал старт проекту, приняв участие в закладке капсулы с посланием будущим жителям Иннополиса, а спустя три года — 9 июня 2015 года — был официально открыт новый город. Первоначально планировалось, что “татарстанское Сколково” к 2030 году будут населять около 150 тыс. человек: IT-специалисты, их семьи, студенты и преподаватели IT-университета, персонал торговых центров и сектора услуг. Конечно, до 2030 года еще немало времени, но пока успехи “Иннополиса” не слишком впечатляют: к началу 2017 года его постоянное население немногим превышало 100 человек,

а арендовали жилье около 2,5 тыс. Таким образом, если политику татарстанской элиты в 1990-е годы можно кратко охарактеризовать как “политику суверенитета”, то в 2000-е — первую половину 2010-х годов ее краткая формула может выглядеть как “политика зрелищ и инноваций”.

Крах “Татфондбанка”

Когда страну орошал дождь нефтедолларов, различие интересов федеральной элиты и региональной элиты Татарстана было для внешнего наблюдателя не особенно заметным. Но в федеральном центре помнили о противостоянии с татарстанской элитой в 1991–1993 годах и о том, с какими проволочками в начале 2000-х годов татарстанское законодательство приводилось в соответствие с российским. Если региональная элита Татарстана рассматривала особый статус Татарстана, его “инаковость” как ресурс — в неформальной организационной культуре российской постноменклатуры “иные” могут рассчитывать, что к ним будут относиться более аккуратно, — то федеральная элита воспринимала претензии Татарстана на особое положение как неудобство (если не потенциальную угрозу). К тому же региональная элита Татарстана всегда рассматривала себя как представителей республики, а федеральная элита относится к региональным властям как к менеджерам, поставленным ею во главе регионов.

Это потенциальное противоречие стало заметным в посткрымских условиях, когда доходы регионов, особенно регионов-доноров, стали рассматриваться как источник пополнения федерального бюджета. Минниханов, считавшийся неформальным “дуаейном губернаторского корпуса”, болезненно отреагировал на “недружественную” межбюджетную финансовую политику федеральных властей. После решения об “отъеме” в пользу центра (*Подробнее см. статью Н. Зубаревич “Отношения центр — регионы: что изменилось за четыре года кризиса” в нынешнем номере “Контрапункта” (URL: http://www.counter-point.org/11_zubarevich/*

(*доступ 28.03.2018*) — Прим. ред.) части налога на прибыль (до 2017 года налог на прибыль распределялся между регионами и федеральным центром в пропорции 18% к 2%, с 2017 года — в пропорции 17% к 3%), которое означало для Татарстана потерю 3,5 млрд руб., Минниханов произнес на заседании Госсовета РТ сердитую речь, в которой сравнил политику центра с раскулачиванием¹⁰. В действительности бюджет Татарстана, вероятно, потерял еще больше: 2,8 млрд руб. составили потери от изменения распределения акцизов на нефтепродукты; ранее республика получала 88%, федеральный центр — 12%, с 2017 года соотношение стало 66% к 34%. Кроме того, 1,9 млрд руб. бюджет Татарстана потерял из-за увеличения ставки налога на добычу полезных ископаемых.

Критические высказывания Минниханова по поводу изъятия средств у регионов-доноров для поддержки дотационных субъектов оказались на третьем месте в Топ-30 событий фонда “Петербургская политика” за декабрь 2016 года¹¹. Ряд СМИ тут же назвал выступление Минниханова “шантажом” и “татарским бунтом”; слова президента Татарстана интерпретировали едва ли не как отказ платить налоги в российский бюджет, звучали призывы примерно наказать главу республики, чтобы это стало уроком для остальных региональных “ханов”¹². В то же время у губернаторов регионов-доноров (в частности, у губернатора Калужской области Анатолия Артамонова) выступление Минниханова вызвало если не поддержку, то понимание¹³.

Между тем как раз в декабре 2016 года, незадолго до того, как Минниханов обвинил федеральный центр в “раскулачивании” регионов, потерпел крах второй по величине и значению в Татарстане банк “Татфондбанк” (ТФБ). Его владельцы кредитовали в основном свои собственные или аффилированные структуры, которые так и не стали прибыльными, и в результате разница между обязательствами банка и реальной стоимостью его активов составила 118 млрд руб.¹⁴. Формально этот банк не был государственным, но его правление возглавлял премьер-министр Ильдар Халиков; поскольку скандал, вызванный банковским крахом, продолжал

разрастаться, в апреле 2017 года Халиков был вынужден уйти в отставку.

Эффект краха “Татфондбанка” был значительным. В ТФБ имели счета свыше 30 тыс. юридических лиц (шесть тысяч из них имели счета только в ТФБ) и более 350 тыс. физических лиц (примерно у 30% из них были вклады, превышающие страховой лимит в 1,4 млн руб., который обязано компенсировать Агентство по страхованию вкладов). В наиболее тяжелом положении оказались около двух тысяч вкладчиков, отдавших свои деньги в доверительное управление дочерней структуре ТФБ “ТФБ Финанс”. Их деньги были вложены в облигации ТФБ, которые не подпадали под систему страхования вкладов, а после краха банка обесценились.

Вероятно, в конце 2016 — начале 2017 года ТФБ еще можно было спасти, начав процедуру санации. Но в республике для этого было недостаточно средств, а федералы не смогли — или не захотели — прийти на помощь.

Властям Татарстана удалось предотвратить социальный взрыв, и на улицу вышли не десятки тысяч, а лишь сотни протестующих. 3 марта 2017 года около трехсот рассерженных вкладчиков обанкротившихся банков (а крах ТФБ запустил цепочку банкротств более мелких банков) прошли по центру Казани, чтобы вручить свою петицию премьер-министру Халикову (СМИ назвали протест “штурмом Кабмина”, но это было типичным журналистским преувеличением¹⁵). Следствием краха ТФБ также стало снижение доверия — физических и юридических лиц к региональным банкам и в целом инвесторов к республике. Для восстановления доверия республиканские лидеры пошли на неординарную меру: был создан фонд помощи пострадавшим вкладчикам ТФБ, который возглавил помощник Минниханова Айрат Нурутдинов (деньги выделили из своей чистой прибыли УК “Татэнерго” и АО “Сетевая компания”), и вкладчики действительно начали получать соответствующие выплаты¹⁶. Впрочем, в конце января 2018 года, в дни рабочего визита Путина в Татарстан (24–25 января 2018 года), полиция удаляла с улиц Казани одиночных пикетчиков — вкладчиков ТФБ, надеявшихся привлечь к своей проблеме внимание президента России.

Утрата особого статуса

В 2017 году в Татарстане ожидали заключения нового договора о взаимном делегировании предметов ведения и разграничении полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и Республики Татарстан. То, что договор так и не был заключен, стало важнейшим “несобытием” в жизни республики. Срок действия договора 2007 года, сменившего тот, что был заключен в 1994 году, истекал 24 июля 2017 года. Татарстанская сторона робко, но регулярно напоминала федеральному центру о желательности возобновления договора. В мае 2017 года на съезде народов Татарстана государственный советник Татарстана Минтимер Шаймиев заявил, что договор можно продлить, не внося изменений в его содержание. 11 июля 2017 года депутаты Госсовета Татарстана приняли обращение к Путину, в котором отмечалось, что практика реализации договора между Москвой и Казанью “убедительно доказала жизнеспособность российского федерализма”, но напрямую продлить договор не просили, а лишь предложили образовать специальную комиссию по правовым вопросам. После того как стало ясно, что усилия сторонников договора бесполезны, Минниханов в очередном послании депутатам Госсовета республики заявил, что договор — всего лишь форма отношений республики и федерального центра, которая сыграла свою роль в прошлом, сегодня же “ведущим фактором является не столько сама форма отношений республики и федерального центра, сколько их содержание, возможность находить взаимоприемлемые решения возникающих вопросов в общих интересах”¹⁷.

Договор 2007 года, продления которого хотела правящая элита республики (во всяком случае, немалая ее часть), был в значительной мере символическим документом, который подчеркивал особенность Татарстана среди других субъектов федерации. Лишь немногие вопросы, регулируемые этим документом, имели реальный, а не декларативный характер: в частности, поддержание и развитие татарской культуры в других регионах РФ. Свою роль в отказе центра перезаключить договор сыграло и то, что те, кто ратовал за его

продление, так и не смогли четко сформулировать, зачем он нужен. В действительности договор был нужен для сохранения символического капитала — подтверждения “инаковости” татарстанской региональной элиты. Но как раз в этом федеральный центр ей теперь и отказывал.

“Языковой кризис”

Если незаключение договора стало болезненным ударом по самолюбию региональной элиты Татарстана, то отказ от паритета в преподавании татарского и русского языков в общеобразовательных школах Татарстана имел широкий общественный резонанс.

Согласно данным переписи 1989 года, 48,5% населения республики составляли татары, 43,3% — русские (согласно данным переписей 2002-го и 2010 годов доля татар несколько возросла — на 4–4,5%, а доля русских соответственно уменьшилась). В 1960–1980-х годах в большинстве школ ТАССР татарский язык изучался как факультатив. С 1991/1992 учебного года ситуация изменилась: татарский язык был введен как обязательный предмет во всех средних школах республики вне зависимости от национальности и желания учеников и их родителей. В 1992 году Верховный Совет республики принял “Закон о языках народов Республики Татарстан”, установивший изучение татарского и русского языков в равных объемах. (В 2004 году была принята новая редакция этого закона, в которой сохранялся принцип паритетности.) Равные объемы были достигнуты за счет уменьшения количества часов, отведенных на преподавание русского языка. По подсчетам Людмилы Лучшевой, количество часов на изучение русского языка, по сравнению с другими регионами РФ, в Татарстане было сокращено почти в два раза¹⁸. Для этого во всех школах Татарстана с середины 1990-х годов и до 2017 года использовался учебный план, разработанный Министерством образования и науки РФ для учащихся, у которых русский не является родным языком. Среди русскоговорящего населения доля желающих обучать своих детей татарскому

языку была достаточно высокой, около 60%¹⁹. Но позже, в 2000-е годы, это желание ослабло как из-за недовольства родителей качеством преподавания татарского языка, так и оттого, что само по себе знание татарского языка не является в Татарстане карьерным преимуществом; для успешного продвижения важнее земляческие и родственные связи²⁰.

Поскольку ситуация с сокращенным преподаванием русского языка не устраивала часть родителей, начались протесты. В 2004 году казанский юрист Сергей Хапугин подал жалобу в суд на министерство образования Татарстана с требованием защитить своего сына от принудительного обучения татарскому языку. Он дошел до Конституционного Суда РФ, который признал положение о паритетности преподавания языков не противоречащим Конституции РФ, но в то же время оговорил, что изучение татарского языка должно происходить без ущерба для изучения русского. В 2011 году в Татарстане прошла серия митингов и пикетов в защиту права изучать русский язык в том же объеме, в каком его изучают в большинстве субъектов Российской Федерации²¹. Эффект от этих митингов и пикетов был, в сущности, нулевой. Более того, в 2014 году в Татарстане было введено единое республиканское тестирование (ЕРТ) по татарскому языку для девятиклассников, что вызвало новую волну недовольства и жалоб в Москву. Хотя официально родителей и школьников заверяли, что данное тестирование — чистая формальность и оценка по нему не пойдет в аттестат, в некоторых школах, чтобы создать мотивацию для изучения татарского, детей стали пугать, что при отрицательном результате ЕРТ они не получат свидетельство об окончании 9 класса.

На заседании Совета по межнациональным отношениям в Йошкар-Оле в июле 2017 года Владимир Путин заявил, что “заставлять человека учить язык, который для него родным не является, так же недопустимо, как и снижать уровень и время преподавания русского”²². В Татарстане это заявление имело далеко идущие последствия.

Первой реакцией республиканских властей на заявление Путина о языках стало заявление министра образования и науки

Татарстана Фаттахова, который сказал, что слова Путина к Татарстану не относятся. Но администрация президента РФ считала иначе. 29 августа был опубликован перечень поручений президента РФ, в котором Генеральной прокуратуре и Рособнрнадзору велено проверить соблюдение в субъектах РФ прав граждан на добровольное изучение языков народов России и государственных языков республик, находящихся в составе России, и доложить о результатах до 30 ноября. Это воодушевило противников изучения татарского языка, и они возобновили кампанию за отказ от обязательного изучения татарского языка, а также — в тех школах, где за это выступают большинство родителей, — за переход на учебный план для школ с русским (родным) языком обучения. В сентябре правительство Татарстана приняло решение о том, что с 1 января 2018 года объем изучения русского языка должен быть доведен до объемов, рекомендуемых федеральными стандартами, но было уже поздно. Родители школьников стали писать заявления с отказом от изучения татарского, а в школах начались прокурорские проверки с тем, чтобы выяснить, не нарушаются ли требования законодательства об образовании. В свою очередь, татарская интеллигенция выступила в защиту татарского языка: 60 писателей Татарстана направили письмо президенту РФ с просьбой сохранить обязательное преподавание татарского языка в школах²³.

Было бы крайним упрощением — да и попросту неверно — представлять ситуацию таким образом, что за изучение татарского языка в прежних объемах выступали и выступают татары, а русские настроены против этого. Во-первых, большая часть русских Татарстана не против изучения татарского языка в принципе — но в меньших объемах, чем это было до 2017 года. Во-вторых, в этом с ними солидарна и немалая часть татар — русскоязычных или, точнее, русскоговорящих татар (некоторые из них не знают татарского языка вовсе). По приблизительной оценке, доля таких татар составляет не менее 10% населения республики (а возможно, и выше)²⁴. Во всяком случае, в опросах общественного мнения именно такая доля респондентов, идентифи-

цирующих себя как татары, отвечает на “чувствительные” вопросы, касающиеся сферы этнических отношений, так же, как те, кто идентифицирует себя как русские. Более того: значительная часть населения, как показали опросы общественного мнения, проведенные в конце 2017 года²⁵, не интересовалась языковым кризисом вообще. Упорное стремление региональной элиты сохранить статус-кво в преподавании языков связано, скорее всего, с тем, что паритетность в преподавании русского и татарского языков символизировала баланс в отношениях Москвы и Казани, что было одним из краеугольных камней региональной “идеологии” или, если угодно, регионального мифа 1990-х годов. Для региональной элиты отказаться от него означало открыто признать свой провинциальный статус, “второразрядный” по отношению к центру.

Языковой кризис завершился в конце ноября 2017 года. Федеральный центр и региональная элита Татарстана пришли к асимметричному компромиссу: преподавание татарского языка в школах сохраняется, но лишь на основе письменного согласия родителей и в большинстве случаев лишь два часа в неделю. Министр образования и науки Фаттахов, упустивший возможность компромиссного решения летом, до начала прокурорских проверок школ, вернулся на свою прежнюю должность главы Актанышского района. Одним из последствий разрешения “языкового кризиса” именно таким образом стало резкое недовольство той части элиты Татарстана и той части общественности, которые отстаивали сохранение статус-кво и теперь почувствовали себя проигравшими. Их манифестом стала упомянутая в начале данной статьи публикация в газете “Бизнес Online”, в которой конфликт с федеральным центром был назван “гибридной войной” против республики и сделан прогноз о новых “ударах” по Татарстану. Но общественность республики расколота, и лишь меньшинство склонно ассоциировать себя с проигравшей частью региональной элиты и татарской интеллигенцией: всего 7% жителей Татарстана, опрошенных в конце 2017 года, назвали изучение и использование татарского языка среди

наиболее важных проблем (для сравнения, низкие зарплаты назвали 23% респондентов, а высокие тарифы ЖКХ — 13%)²⁶. Более распространено мнение, что экономические и политические проблемы Татарстана связаны с внутренними причинами: рекрутирование элит преимущественно по принципу персональной лояльности или на основании родственных и земляческих связей привело к постепенному накоплению ошибок в различных сферах, что в условиях общего ухудшения социально-экономической ситуации породило системный кризис.

Что же ожидает Татарстан? Скорее всего, в перспективе ближайших пяти-семи лет продолжится медленное инерционное движение по тому пути, что был определен в предыдущие 10–15 лет. Татарстан будет всё больше и больше походить на другие регионы России, а его особенный статус, о котором в 1990-е и 2000-е годы столь много говорили и писали региональные идеологи, останется лишь в воспоминаниях современников.

Примечания

- 1 Гибридная война против Татарстана: пора готовиться к следующему раунду? 5 выводов из проигрыша в “языковом конфликте” // Бизнес Online. 2017. 1 декабря. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/365561> (доступ 20.01.2018).
- 2 Голобурдова Н. Фарид Мухаметшин “Политически спланированного нажима на республику я не вижу” // Бизнес Online. 2017. 28 декабря. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/368429> (доступ 20.01.2018).
- 3 См., напр.: irek_murtazin (Муртазин И). 12 июня 1991 года // Живой журнал irek_murtazin. Запись от 12 июня 2014. URL: <https://irek-murtazin.livejournal.com/1214357.html> (доступ 24.01.2018).
- 4 Фарукшин М.Х. Избирательное законодательство и выборы в Татарстане: опыт регионального правового сепаратизма / Особая зона: выборы в Татарстане. Под ред. Михайлова В.В., Бажанова В.А., Фарукшина М.Х. Ульяновск, 2000. С. 10–24.
- 5 Определение Конституционного Суда Российской Федерации по запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке соответствия Конституции Российской Федерации отдельных положений Конституции Республики Адыгея, Республики Башкортостан, Республики Ингушетия, Республики Коми, Республики Северная Осетия — Алания и Республики Татарстан от 27 июня 2000 г. № 92-О // Российская газета. 2000. 25 июля.
- 6 Велетминский И. Детектор лжи для мэра // Российская газета. 2008. 9 июля. URL: <https://rg.ru/2008/07/09/metshin.html> (доступ 20.02.2018); Ильсур Метшин: “Казань — третья столица. И точка” // Официальная страница Ильсура Метшина. URL: <http://metshin.ru/ru/blogs/30> (доступ 25.01.2018); Казань готовится к “заплыву” на 2015 год // Tatcenter. 2013. 5 августа. URL: <http://tatcenter.ru/news/kazan-gotovitsya-k-quot-zaplyvu-quot-na-2015-god/> (доступ 25.01.2018).
- 7 Со студенческим размахом // Коммерсантъ-Власть. 2013. № 26. 8 июля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2225428> (доступ 20.02.2018).
- 8 Ситнина В. “Мы же не проели эти деньги” [Интервью с президентом Татарстана Р. Миннихановым] // Коммерсантъ-Власть. 2013. № 26. 8 июля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2224772> (доступ 20.02.2018).
- 9 Дмитрий Медведев и Рустам Минниханов подвели итоги Универсиады // Бизнес Online. 2013. 17 июля. URL: www.business-gazeta.ru/article/84196 (доступ 25.01.2018).
- 10 Рустам Минниханов: “Раскулачивание было уже, мы последствия видели...” // Бизнес Online. 2016. 26 декабря. URL: www.business-gazeta.ru/video/333026 (доступ 20.01.2018).
- 11 Рейтинг Фонда “Петербургская политика” за декабрь 2016 года // “Петербургская политика”. URL: <http://www.fpp.spb.ru/fpp-rating-2016-12> (доступ 20.01.2018).
- 12 См., напр.: Орлов Д. Шантаж Минниханова не заставит Кремль изменить финансовую политику // Региональные комментарии. URL: <http://www.regcomment.ru/opinions/shantazh-minnikhanova-ne-zastavit-kreml-izmenit-finansovuyu-politiku/> (доступ 20.01.2018).
- 13 КОЛЕБАКИНА Е., ГОЛОБУРДОВА Н., ГАВРИЛЕНКО А. “Вы живете своими иллюзиями!”: как Минниханов дал бой “раскулачиванию” в Москве // Бизнес Online. 2017. 13 января. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/334251> (доступ 05.02.2018); КОЛЕБАКИНА Е. Анатолий Артамонов: “Я же не пацан! Прежде чем пойти на это, я общался на всех уровнях” // Бизнес Online. 2017. 14 января. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/334363> (доступ 05.02.2018).
- 14 ИВАНОВА Е. Как 144 заемщика “съели” ТФБ: юристам останется ноль без палочки? // Бизнес Online. 2017. 12 апреля. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/342672> (доступ 5.02.2018).
- 15 ГРИГОРЬЕВА А. “Штурм Кабмина — слишком сильно сказано” [Интервью с С. Сергеевым] // Idel. Реалии. 2017. 10 марта. URL: <http://www.idelreal.org/a/28359219.html> (доступ 25.01.2018).
- 16 ИВАНОВА Е. Айрат Нурутдинов: “С 1 февраля принимаем заявления от юрищ до 500 тысяч рублей и инвалидов” // Бизнес Online. 2017. 29 декабря. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/368516> (доступ 25.01.2018).
- 17 Послание Президента Республики Татарстан Р.Н. Минниханова Государственному Совету Республики Татарстан [21 сентября 2017] // Президент Республики Татарстан. URL: <http://president.tatarstan.ru/news/view/1015109> (доступ 25.01.2018).

- 18 САЛАГАЕВ А.Л., СЕРГЕЕВ С.А., ЛУЧШЕВА Л.В. *Новые проблемы и противоречия социокультурного развития Республики Татарстан*. Казань: Изд-во КНИТУ, 2011. С. 182.
- 19 КОРОСТЕЛЕВ А.Д. *Язык — источник согласий и противоречий* // Социальная и культурная дистанции. Опыт многонациональной России. М., 1998. С.192.
- 20 САЛАГАЕВ А.Л. [и др.] *Цит. соч.* С. 182.
- 21 Там же. С. 192.
- 22 *Заседание Совета по межнациональным отношениям* // Президент России. 2017. 20 июля. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/55109> (доступ 25.01.2018).
- 23 АНТОНОВ К. *Владимира Путина просят защитить татарский язык* // Коммерсантъ. 2017. 25 сентября. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3420927> (доступ 25.01.2018).
- 24 Оценка основана на результатах опросов, в которых автор принимал участие в 2001–2003 и в 2007–2009 годах.
- 25 Голобурдова Н. *ВЦИОМ: Мы видим, что языковую тему кто-то искусственно перекачивает* // 2017. 12 декабря. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/366645> (доступ 25.01.2018).
- 26 Там же.